

О роли института панчен-лам во внутренней политике империи Цин

© 2017

М.А. Солощева

Статья посвящена исследованию роли и значения института панчен-лам во внутренней политике империи Цин (1644–1912). Наряду с духовным авторитетом далай-лам, маньчжурские правители признавали авторитет второй по значимости линии перерождений панчен-лам, оказывая им аналогичные знаки внимания и уважения. Происходило это как по причине очевидного религиозно-культурного влияния лам в Тибете и за его пределами, так и вытекающей из этого факта возможности использования их влияния на политическую обстановку в регионе.

Ключевые слова: панчен-лама, империя Цин, Тибет, далай-лама, Гелуг, тибетский буддизм.

Целью данного исследования является изучение института панчен-лам, второй по важности линии перерождений так называемой Желтой веры — традиции тибетского буддизма Гелуг¹, в период с 1642 по 1911 г. Хронологические рамки исследования обусловлены особой ролью, которую панчен-ламы играли в духовной и политической жизни Тибета, начиная с установления контактов с первыми маньчжурскими императорами и до Синьхайской революции, положившей конец Цинской империи.

Религиозно-культурные контакты панчен-лам с Цинским двором (1642–1911)

В 1642 г. произошло важное историческое событие: установление официальных дипломатических отношений между маньчжурским императором Хунтайцзи (Абахай, 1592–1643) и духовными лидерами тибетского буддизма — Далай-ламой V Нгаван Лосан Гьяцо (1617–1682) и Панчен-ламой IV² Лосан Чойгьи Гьялцен (1570–1662)³. Инициатива установления отношений, согласно китайским источникам, исходила от монгольских князей, которые попросили императора пригласить Далай-ламу прибыть с официальным визитом в Пекин⁴.

Обмен посольствами привел к новой религиозно-культурной и геополитической ситуации: взаимному стремлению цинского двора и буддийских духовных иерархов к политическому сближению. Дело в том, что лидеры тибетских буддийских школ, которые вели между собой борьбу за первенство, искали внешней поддержки для укрепления собственных позиций. Именно этот интерес побудил иерархов тибетской школы Гелуг установить отношения с усиливавшимся маньчжурским государством. Маньчжурское государство в свою очередь нуждалось в идеологической поддержке, тем более что империя Мин на

Солощева Мария Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент Департамента востоковедения и африканистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (НИУ ВШЭ СПб). E-mail: msoloshcheva@hse.ru.

момент установления контактов с Тибетом еще продолжала существовать, утратив власть лишь в 1644 г. «Желтая вера» стала, таким образом, основой для выстраивания взаимоотношений между императорами, покровительствовавшими этому учению, и тибетскими иерархами, в свою очередь, признавшими новую маньчжурскую династию. Побудительным мотивом к сближению с иерархами тибетского буддизма маньчжурских императоров династии Цин стало неоспоримое религиозно-культурное влияние первых не только в Тибете, но и за его пределами — там, где имел распространение тибетский буддизм.

20 июля 1643 г. было отправлено посольство в Тибет во главе с Чахань-ламой с письмами и подарками от императора Далай-ламе, Панчен-ламе и другим тибетским высокопоставленным светским и духовным лицам. Уже на этом начальном этапе маньчжурско-тибетских отношений возникла весьма необычная и деликатная ситуация, когда китайские императоры старались не подчеркивать духовный приоритет одного из двух тибетских иерархов, признавая духовное лидерство Далай-ламы наряду с высокой духовной ролью Панчен-ламы⁵. Китайские исследователи также подчеркивают позитивную роль Панчен-ламы на начальном этапе цинско-тибетских отношений⁶.

Отношения цинских императоров с Далай-ламой и Панчен-ламой строились по одинаковой схеме: ежегодный обмен посольствами, дарование титулов и визиты иерархов в столицу. Пригласив в Пекин Далай-ламу, император Шуньчжи (правл. 1644–1661) одновременно отправил посланника к Панчен-ламе с просьбой убедить Далай-ламу принять приглашение⁷. Визит Далай-ламы V ко двору состоялся в 1652–1653 гг.⁸ Вслед за ним в Пекин был приглашен и Панчен-лама V Лосан Еше Пэлсанпо (1663–1737).

С 1693 по 1698 г. император Канси (правл. 1661–1722) многократно приглашал Лосан Еше Пэлсанпо в Пекин, аргументируя необходимость приезда как религиозными, так и политическими причинами. Император Канси, обращаясь в письмах к Панчен-ламе, отдавал должное его глубокому пониманию Учения и благим заслугам. Далее он писал, что Далай-лама стар, а регент завистлив и может, испугавшись авторитета Лосан Еше Пэлсанпо, подговорить джунгарского правителя Галдан-хана (1644–1697) его убить. Предполагаемая поездка Панчен-ламы к императору так и не состоялась, по официальной версии потому, что Панчен-лама еще не переболел оспой⁹. Вряд ли когда-нибудь станет известно, была ли эта причина единственной или главной, однако, когда в 1697 г. разыгрался конфликт с сокрытием смерти Далай-ламы V регентом Сангье Гьяцо (1653–1705), император Канси обвинил его не только в сокрытии смерти Далай-ламы, но и в том, что он препятствовал поездке в Пекин Панчен-ламы, приглашенного императором¹⁰. Несмотря на то, что визит Лосан Еше Пэлсанпо к императору Канси не состоялся, император продолжил переписку с ним и 24 февраля 1713 г. пожаловал ему титул «Эрдэни» (тиб. «Ринпоче») — «драгоценный», грамоту и печать¹¹. Впоследствии цинские императоры продолжили традицию дарования панчен-ламам, равно как и далай-ламам, золотых печатей и дипломов, подтверждавших их легитимность, что с точки зрения цинского дипломатического этикета делало их равными.

Во многих китайских источниках можно найти сведения, подтверждающие значимость фигуры панчен-ламы и его духовный авторитет в глазах цинского двора. К примеру, когда в 1710 г. китайский уполномоченный в Тибете Хэшоу после низложения Далай-ламы VI Цаньян Гьяцо (1683–1706) получил императорский указ — вручить грамоту и печать «настоящему» далай-ламе Нгаван Еше Гьяцо, в качестве причины признания его далай-ламой были указаны заверения Панчен-ламы в том, что он сведущ в буддийском учении¹².

При вторжении джунгаров в Тибет в 1717–1720 гг. им ставилось в вину, что они плохо обращались с Панчен-ламой: «Они (Далай-лама и Панчен-лама. — М.С.) вместе вершили благие дела, заботились о духовенстве, и [в Тибете] царило великое спокойствие. <...> Цеван Рабтэн, не имея законного основания, двинул джунгарские полчища [на Тибет], своевольно и коварно он сверг Далай-ламу (Нгаван Еше Гьяцо. — М.С.), разрушил ступу Далай-ламы V, унизил Панчену, разрушал монастыри и безжалостно убивал

лам, утверждая, что делает это во имя Учения, а в действительности уничтожал его и хотел лишь захватить Тибетское царство»¹³.

Надпись на стеле 1720 г., сочиненная императором Канси, увековечивающая освобождение Тибета от джунгаров усилиями объединенной маньчжурско-монгольско-китайской армии, гласит: «... я сочинил эту надпись и поставил стелу в Тибете, чтобы за пределами Китая знали как о преданности родов Далай-ламы, Панчен-ламы и Гуши-хана, так и о приверженности всех племен и времен к Учению. Я же в этом деле действовал ради устранения врагов, облагодетельствования покорных, успокоения народа и восстановления веры»¹⁴.

При императоре Цяньлуне (правл. 1735–1796) Панчен-лама VI Лосан Пэлдэн Еше (1738–1780) был также приглашен к императорскому двору. Его визит к императору состоялся в 1780 г. К приезду Панчен-ламы был специально возведен новый монастырь, ставший его резиденцией на время визита, продлившегося более четырех месяцев. До этого такой чести удостоивался Далай-лама V. Визит Панчен-ламы был приурочен к семидесятилетию императора, который писал Лосан Пэлдэн Еше, что учит тибетский язык и надеется, что при встрече сможет приветствовать иерарха на его родном языке. Для подробных бесед с Панчен-ламой о буддийском учении Цяньлун все же приглашал для перевода верховного ламу Пекина Джанджа-хутухту Ролби Дордже (1717–1786), с которым император регулярно советовался по вопросам, связанным с Тибетом. Во время своего пребывания в столице Панчен-лама совершал обряды и молитвы, давал посвящения и благословения¹⁵.

По роковому стечению обстоятельств Лосан Пэлдэн Еше скончался во время своего пребывания в Пекине от оспы, из-за страха перед которой его предшественник не считал возможным приехать в столицу. Однако исключительные почести, оказанные Лосан Пэлдэн Еше во время визита, и слова «Мне стало хорошо!», произнесенные Панчен-ламой перед смертью, были восприняты современниками как свидетельство того, что иерарх не пожалел о своем решении. Значительные суммы, потраченные на обеспечение должного уровня приема Лосан Пэлдэн Еше, а впоследствии и проводов его бранных останков, свидетельствуют о высоком авторитете панчен-лам при дворе и значении, которое цинские правители придавали отношениям с тибетскими иерархами¹⁶. До начала XX в. официальных визитов, тем более столь пышных, как в случае с Лосан Пэлдэн Еше, больше не было, однако панчен-ламы продолжали пользоваться особым расположением со стороны цинских императоров.

В качестве вывода подчеркнем, что на протяжении всего периода правления династии Цин духовное лидерство обоих иерархов тибетского буддизма, далай-ламы и панчен-ламы, поддерживалось цинскими императорами, которые оказывали им соответствующие знаки внимания и уважения. Происходило это как по причине очевидного религиозно-культурного влияния лам в Тибете и за его пределами, так и из-за вытекающей из этого факта возможности использования их влияния на политическую обстановку в регионе.

Роль панчен-лам в системе светского управления в Тибете

Система административного управления Тибетом во время правления династии Цин не была стабильной. В начале цинского правления вся полнота светской и духовной власти находилась в руках Далай-ламы, а Тибет входил в состав государства хошутского правителя Гуши-хана, носившего титул «Царя Тибета». После смерти Далай-ламы V в 1682 г., власть перешла в руки регента, который правил от его имени. Затем, после смерти регента, в истории Тибета был период правления монгольского князя, который с одобрения Панчен-ламы и цинского правителя возвел на престол «марионеточного» Далай-ламу VI. При вторжении в Тибет джунгаров в 1717–1720 гг. они также организовали свое временное правительство, которое просуществовало до ввода в Лхасу объединенной монгольско-

маньчжурско-китайской армии. С 1720 г. решения о форме управления и передачи светской власти в руки того или иного правителя стал принимать цинский император. Был создан совет министров (тиб. кашаг) — светский орган административного управления.

После междоусобной войны 1727–1728 гг. светская власть была передана тибетскому министру (тиб. калон) Полханэ (1689–1747). В это же время в Тибете был учрежден институт китайских наместников — амбаней, ограничивавших свободу действий тибетских правителей. Тибет был разделен на сферы влияния Далай-ламы (Уй) и Панчен-ламы (Цзан). В 1751 г. после мятежа сына Полханэ против маньчжурской власти светским правителем Тибета вновь стал Далай-лама. С тех пор система управления Тибетом принципиально не менялась: светскими правителями оставались далай-ламы, их решения вступали в силу после одобрения цинскими амбанами, роль которых в управлении Тибетом в значительной степени была номинальной¹⁷. До достижения далай-ламами возраста вступления на престол в Тибете от их имени правили регенты.

На протяжении всего рассматриваемого периода постоянной тенденцией на фоне происходивших в тибетском административном управлении пертурбаций и структурных изменений одна тенденция оставалась неизменной: авторитет и влияние панчен-лам медленно, но неуклонно возрастали. Приведем примеры того, как менялись функции панчен-лам на разных этапах эволюции административной системы управления Тибета, и проанализируем обстоятельства, которые на это влияли.

В 1642 г. Тибет был завоеван хошутским правителем Гуши-ханом, который, объявив себя «Царем Тибета», передал светскую и духовную власть Далай-ламе V. Существуют, однако, свидетельства того, что под непосредственное управление Нгаван Лосанг Гьяцо перешла только часть вверенной ему территории — земли Уй, иначе именуемые «Центральный Тибет». Земли же Цзан — «Западного Тибета» были переданы в управление Панчен-ламе IV.

Усиление влияния в Тибете панчен-лам исследователи относят к периоду, последовавшему за междоусобной войной 1727–1728 гг., когда юный Далай-лама VII впал в немилость императора Юнчжэна и был отправлен в ссылку. Это произошло из-за того, что окружение Далай-ламы во главе с его отцом приняло самое непосредственное участие в заговоре и убийстве министра Канченнэ, которому император поручил управление Тибетом¹⁸. Однако, как становится ясно из докладов цинских генералов императору Юнчжэну (правл. 1723–1735), панчен-ламы получили в управление земли значительно раньше:

«Я выяснил, что Кукунор, Бар-Кам, Уй и Цзан раньше были четырьмя государствами тибетского народа. Гуши-хан, после военного вторжения, разделил [свою территорию] на занимавший большую территорию Сихай (Цинхай), пригодную для земледелия и скотоводства, и плотно населенный Кам, скудно обеспечиваемый пропитанием, и разделил их между сыновьями. От Лхоронцзона на восток была земля Кама, [население которой] платило земельный налог князьям Сихая, а на запад от Лхорона — Уй-Цзан, который [он] отдал Далай-ламе и Панчену. Как сказал регент-калон, 130 000 тибетцев были отданы Далай-ламе, и это только территория Уй, которая относилась к его юрисдикции, т.е. Цзан и Кам не входили в это число»¹⁹.

Это донесение стало результатом расследования вопроса об исторической принадлежности земель Кукунора, которое император поручил провести своим доверенным лицам после подавления мятежа 1723–1724 гг. Именно тогда возникла необходимость установить новые границы на периферии, не вызвав при этом недовольства монгольского и тибетского населения «умиротворенных» территорий. Представив Юнчжэну результаты расследования, чиновники рекомендовали сделать следующее: «В такой ситуации то, что к востоку от Лхоронцзона отходит к Сычуани и Юньнани, так как [подавление] восстания в Цинхае принесло [нам] эту территорию, [мы] спасли 100 000 тибетцев от огня и воды и провели перепись. Его (калона. — М.С.) слово твердо, его мысли правильны. Мы, таким образом, не берем, пользуясь предложением, то, что должно относиться к территории,

на которой Далай-лама возжигает свои благовония. Я скромно полагаю, если сейчас все же милостиво дать оба (Уй и Цзан) Далай-ламе и Панчену, этим мы дадим понять, что помогаем идее Желтой веры». На это император ответил: «Очень хорошо, они обязательно согласятся, и тогда монголам нечем будет управлять»²⁰.

Эта переписка свидетельствует о том, что, в соответствии с распределением земель Гуши-ханом в созданном им государстве, территории Уй и Цзан принадлежали далай-ламам и панчен-ламам соответственно, а территории Чамдо, Батана, Литана и Дэрге не входили в состав Тибета и фактически принадлежали восставшему в 1723 г. наследнику Гуши-хана, хошутскому князю Лобсан Дандзину (ум.1731). Присоединив перечисленные выше кукунорские земли к своим провинциям и вернув Далай-ламе и Панчен-ламе принадлежавшие им земли Уй и Цзан, Юнчжэн назначил для обоих иерархов ежегодную денежную выплату и 3750 кг лучшего чая в качестве компенсации за то, что часть территории, с которой налог раньше отправлялся им, теперь отходила к цинской империи.

В глазах цинского двора оба иерарха занимали, таким образом, практически одинаково высокое положение. Обоих иерархов цинские правители рассматривали как претендентов на осуществление светского правления в Тибете, подтвердив закрепление за каждым из них определенных подвластных территорий (Уй и Цзан). Приведем ниже несколько случаев, произошедших в разные исторические периоды, когда маньчжурские императоры так или иначе выражали желание видеть панчен-лам правителями Тибета.

Первый прецедент такого рода имел место в 1696 г., когда император Канси узнал о том, что регент Сангье Гьяцо на протяжении пятнадцати лет скрывал смерть Далай-ламы V, управляя от его имени. Император потребовал от регента, чтобы власть в Тибете была передана Панчен-ламе V²¹. Однако в это время маньчжурское влияние в Тибете было не столь велико, и де факто вопрос о передаче административной власти Панчен-ламе не стоял.

Непосредственное участие в формировании новой системы управления в Тибете императоры стали принимать начиная с момента ввода цинских войск в Тибет в 1720 г. После 1720 г. императоры рассматривали разные кандидатуры на пост светского правителя Тибета. В донесении императору от его уполномоченных чиновников на местах говорилось, что джунгары по-прежнему стремятся вернуться в Тибет, Далай-лама еще молод, а Панчен-лама стар, страна находится в разрухе, и при таком положении вещей для поддержания порядка требуется военная опора²². Оба духовных лидера в их глазах обладали достаточным авторитетом для управления Тибетом. Поскольку Панчен-лама был слишком стар, а Далай-лама чересчур молод, император предпочел создать совет министров, в состав которого вошли представители знатных тибетских семей. Как видно из этого примера, Панчен-лама вполне мог получить из рук императора полномочия верховного светского правителя всего Тибета. Если верить источникам, помехой этому был только его почтенный возраст.

После междоусобной войны 1727–1728 гг. вновь встал вопрос о необходимости совершенствования системы управления Тибетом. Дискредитировавший себя родственными связями с заговорщиками Далай-лама был отстранен от власти и отправлен в ссылку. Вместо него уполномоченные чиновники в Лхасе предлагали императору Юнчжэну подыскать другого уважаемого ламу, уже не столько для участия в делах светского правления, сколько для осуществления духовного управления Тибетом. Подразумевалось, что таким кандидатом мог быть, в первую очередь, Панчен-лама. Юнчжэн ответил, что он не считает правильным отправлять Панчен-ламу в Уй, так как раньше Далай-ламе уже случалось отсутствовать на территории Уй более десяти лет, но он все равно оставался хухухтой, управлявшим всеми монастырями этих земель²³. Так император утвердился в решении о разделении Тибета на сферы влияния: Далай-лама сохранил за собой управление областью Уй, а Панчен-лама — Цзан.

В лице Панчен-ламы цинский двор хотел создать противовес Далай-ламе, чтобы в руках одного лидера не сосредотачивались слишком большие власть и влияние. Для увеличения авторитета Панчен-ламы V император принял решение о передаче ему в управление еще более обширных территорий. 28 октября 1728 г. генерал Чжаланга зачитал Панчен-ламе императорский указ о даровании ему земель от Цзан до Кайласа (включая Лхацэ, Пунцоглин, Нгамрин, Цзонка, Тидрон и Нгари Корсум). Панчен-лама ответил вежливым отказом, подчеркнув, что имеющихся денежных средств ему достаточно, тогда как возраст уже не позволяет заниматься делами управления такой большой территорией. После уговоров иерарх принял Лхацэ, Пунцоглин и Нгамрин, составлявшие лишь незначительную часть предлагавшихся ему земель²⁴.

Когда стало известно о решении императора Юнчжэна удалить Далай-ламу VII из Лхасы, Панчен-лама вместе с другими тибетцами просил китайского генерала отозвать этот приказ. После отъезда Далай-ламы по инициативе Панчен-ламы императору была отправлена петиция с просьбой о его возвращении, которая возымела действие. 18 августа 1734 г. император Юнчжэн издал соответствующий указ. Сообщение о возвращении духовного лидера было направлено в Лхасу 29 октября. В ответ император получил от Панчен-ламы письмо с выражением глубокой благодарности²⁵.

Эти события существенно повысили как религиозный, так и политический авторитет панчен-лам, которые с этого времени приобрели определенную экономическую самостоятельность. Приведенные выше факты дают, на наш взгляд, основание утверждать, что Лосан Еше Пэлсанпо не стремился потеснить или заменить Далай-ламу. В глазах верующих тибетцев панчен-лама оставался вторым в иерархии верховным религиозным авторитетом, который чтит и укрепляет сложившуюся между двумя главами школы Гелуг традицию отношений по принципу «учитель — ученик».

Столетие спустя в 1844 г. Панчен-лама VII Лосан Тенпэ Ньима (1782–1853) отказался занять предложенную ему Цинским двором должность регента при малолетнем Далай-ламе XI (1838–1856). Складывалась весьма двусмысленная ситуация: с одной стороны, император, возможно и не желая этого, своим решением вносил разлад в отношения Панчен-ламы со сторонниками малолетнего Далай-ламы, что впоследствии могло нарушить баланс религиозно-политических сил в Тибете. С другой стороны, Панчен-лама своим отказом давал понять, что не желает нарушения сложившегося в Тибете баланса сил и интересов. Позиция Панчен-ламы была столь понятна и в этическом смысле безукоризненна, что цинский наместник в Лхасе (амбань) согласился с этим решением, предупредив Панчен-ламу, что отказ должен быть подобающим образом оформлен, чтобы это не было расценено как неуважение к воле императора. Поэтому Панчен-лама отслужил на посту регента символический срок, сложив полномочия несколько месяцев спустя²⁶.

Вывод из вышесказанного состоит в том, что при династии Цин положение панчен-лам в Тибете было стабильно прочным. Более того, цинские императоры делали попытки противопоставить авторитет панчен-лам авторитету далай-лам, и даже выдвинуть их на первое место. Однако вызвать заметную конфронтацию между далай-ламами и панчен-ламами до начала XX в. не удавалось, поскольку панчен-ламы с неизменным упорством противились нарушению принципа «учитель — ученик», определявшего их отношения с главой школы Гелуг — далай-ламой. Эта позиция способствовала усилению морального авторитета панчен-лам среди широких масс тибетцев и помогала панчен-ламам принимать деятельное участие в делах светского правления, занимаясь не только решением внутренних конфликтов, но и представляя интересы Тибета на международной арене.

Практически на протяжении всего XIX в. авторитет панчен-лам в сфере международных отношений, также как в духовной и административной сферах, находился на неизменно высоком уровне. Отчасти это объяснялось не только личными качествами панчен-лам, их приверженностью традиционной буддийской этике и искреннему жела-

нию служить своему народу, но и объективными обстоятельствами: в XIX столетии большинство далай-лам уходило из жизни в юношеском и даже детском возрасте²⁷.

В конце XIX — начале XX в. в Тибет вторглись англичане, с которыми были заключены неравноправные договоры²⁸. В 1904 г. Далай-лама XIII Тубтэн Гьяцо (1876–1933) вынужден был бежать из страны. Во время его пребывания в изгнании в Монголии в 1904–1906 гг. роль светского и духовного лидера Тибета перешла к Панчен-ламе IX Тубтэн Чойкьи Ньима (1883–1937), который был доставлен в сопровождении английских войск в Калькутту для переговоров. В 1906 г. он получил от британских властей предложение «занять тибетский престол». Панчен-лама от него отказался, следуя примеру своих предшественников, которым делались аналогичные предложения цинскими императорами. По возвращении из Калькутты Тубтэн Чойкьи Ньима отправил императору отчет о своей поездке и достигнутых договоренностях, продолжив при этом общение с британскими властями²⁹. Тубтэн Чокьи Ньима удалось убедить в своем расположении как англичан, так и цинского императора. Поэтому неудивительно, что сначала в 1906 г. англичане, а некоторое время спустя (после отъезда Далай-ламы в Индию в 1909 г.) цинский император, предложили Тубтэн Чокьи Ньима принять на себя верховную власть над Тибетом. Панчен-лама отказался от обоих предложений, подтвердив своим поведением верность тибетской буддийской духовной иерархии, отводившей верховенство Далай-ламе, а ему, Панчен-ламе — роль второго плана.

Дальнейшая история деятельности панчен-лам выходит за хронологические рамки данной статьи. Отметим, однако, что именно в XX в. китайская политика «разделяй и властвуй», которую они проводили в отношении Далай-ламы и Панчен-ламы, принесла, наконец, результат. В первой половине XX в. между духовными лидерами разгорелся конфликт, в результате которого Панчен-лама IX уехал в Китай, где начал выступать за присоединение к нему Тибета. А уже во второй половине XX в., после того, как Далай-лама XIV покинул в 1959 г. Тибет, найдя политическое убежище в Индии, Панчен-лама X Чокьи Гьялцэн (1938–1989) стал ключевой фигурой, которая связала китайцев с традиционным тибетским обществом.

Выводы

1. В период с 1642 по 1911 г. духовное лидерство иерархов тибетского буддизма далай-ламы и панчен-ламы получало поддержку маньчжурских императоров, которые оказывали каждому из них практически одинаковые знаки внимания и уважения. Фактически духовный авторитет панчен-лам в цинскую эпоху сохранялся на очень высоком уровне, что в сочетании с их лояльностью к верховному духовному авторитету далай-ламы придавало тибетской системе религиозной иерархии необычайную устойчивость и стабильность.

2. В исследуемый период панчен-ламы играли важную роль в системе административного управления Тибетом. Цинские императоры практиковали деление Тибета на два административных района, один из которых находился под управлением далай-ламы, а другой — панчен-ламы.

3. В глазах рядовых буддистов далай-ламы стояли выше панчен-лам, однако в сфере международных отношений они нередко получали одинаковые знаки внимания и расценивались как равновеликие в политическом отношении фигуры.

4. Постепенно складывалась бинарная система управления Тибетом со стороны Китая. Руководствуясь принципом «разделяй и властвуй», маньчжурские императоры поощряли, более того, стимулировали конфликтные отношения между далай-ламами и панчен-ламами. Однако вызвать заметную конфронтацию между духовными лидерами до начала XX в. не удавалось, поскольку панчен-ламы с неизменным упорством противились нарушению принципа «учитель — ученик», который определял их отношения

с главой школы Гелуг — далай-ламой. Эта позиция способствовала усилению морально-авторитета панчен-лам среди широких масс тибетцев и помогала панчен-ламам принимать деятельное участие в делах административного управления.

* * *

Цинские императоры поддерживали дихотомию духовного и административно-политического управления Тибетом. Их цель заключалась в том, чтобы иметь возможность возложить всю полноту власти в Тибете на одного из иерархов по своему выбору. На практике это удалось лишь однажды, в 1844 г., весьма формально и на короткий период. Однако во второй половине XX в. Панчен-лама X, оставшись в Тибете, вошедшем в состав КНР, занял ключевые политические позиции именно благодаря авторитету, приобретенному его предшественниками во время правления цинской династии.

Суммируя вышесказанное, сделаем общий вывод: приверженность принципу решения любых конфликтов мирным путем, наряду с неукоснительным следованием тибетскому буддийскому моральному канону и принципам школы Гелуг, обеспечивали панчен-ламам поддержку и союзнические отношения с маньчжурскими императорами, которые нередко полагались на них как на проводников цинской политики в Тибете. В то же время панчен-ламы пользовались неизменным уважением тибетцев, которые видели в них, наряду с далай-ламами, гарантов духовной, политической и социальной стабильности Тибета.

1. Основателем школы Гелуг является Цзонхава (1357–1419), племянник которого — Гэдундуб (1391–1447) стал первым в линии перерождений далай-лам. Школу также называют «Желтым учением» или «Желтой верой» из-за цвета традиционного головного убора.
2. Существуют расхождения в вопросе нумерации панчен-лам. При жизни титул «Панчен-лама» получил четвертый, по счету более поздней традиции, Панчен-лама Лосан Чойги Гьялцен (1570–1662). Таким образом, в некоторых источниках он фигурирует как Панчен-лама IV, а в некоторых — как Панчен-лама I. В данной статье мы следуем нумерации более поздней традиции.
3. Мартынов А. С. Статус Тибета в XVII—XVIII веках. М., 1978. С. 78–88.
4. Qing shi lu zang zu shi liao: [Материалы из цинских «правдивых записей» по истории тибетского народа]. Т. 1. Лхаса: Тибетское народное изд-во, 1982. С. 1.
5. Там же. С. 7.
6. Xing Quan-cheng. The important role played by the fourth Panchen Lama in Early Contact between Tibet and Central Government // The Journal of Qinghai Nationalities University. 2011. (Vol. 37) No. 1. P. 27–31; Chen Bai-ping. The Panchen's function in the Management of Tibet in Qing Dynasty // National Research in Qinghai, 2006. (Vol. 17) No. 2. P. 89–93.
7. Xing Quan-cheng. Op. cit. P. 31.
8. Подробнее о визите Далай-ламы V в Пекин см.: Tuttle Gray, A Tibetan Buddhist Mission to the East: The Fifth Dalai Lama's Journey to Beijing, 1652–1653 // Tibetan Society and Religion: The Seventeenth and Eighteenth Centuries. Leiden: Brill, 2006. P. 65–87; Ahmad Zahiruddin, Sino-Tibetan Relations in the Seventeenth Century. Serie orientale Roma, 40. Roma: Istituto italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1970; Rockhill W.W. The Dalai Lamas of Lhasa and Their Relations with the Manchu Emperors of China. 1644–1908 // T'oung Pao (Vol. 11) No. 1. Brill, 1910.
9. Jiang Ping. Ban chan e er de ni ping zhuan: [Комментированные биографии Панчен-эрдэни]. Пекин, 1998. С. 19.
10. Rockhill W.W. Op. cit. P. 27.
11. Qing shi lu zang zu shi liao: [Материалы из цинских «правдивых записей» по истории тибетского народа]. Т. 1. Лхаса: Тибетское народное изд-во, 1982. С. 188.
12. Qin ding wai fan meng gu hui bu wang gong biao zhuan: [Высочайше утвержденные генеалогические таблицы и биографии князей Внешней Монголии и Туркестана]. Ксилографическое изд., рукописный фонд библиотеки Восточного факультета СПбГУ. Цз. 91. Л. 17а. (Шифр Хyl F-11).
13. Qing shi lu zang zu shi liao: [Материалы из цинских «правдивых записей» по истории тибетского народа]. Т. 1. Лхаса: Тибетское народное изд-во, 1982. С. 267.

14. Там же. С. 268.
15. *Teltsher K.* The High Road to China: George Bogle, the Panchen Lama and the First British Expedition to Tibet. L.: Bloomsbury Publishing PLC, 2006. P. 210; *Успенский В.Л.* Тибетский буддизм в Пекине. СПб, 2011. С. 145–146.
16. Там же.
17. При сохранении сложившейся административной системы как таковой цинские императоры ввели ряд правил, сделавших статус тибетских иерархов с юридической точки зрения менее независимым. Речь, в частности, идет о введении жеребьевки из золотой урны при выборе переорождений буддийских иерархов, в соответствии с которой новый лама оказывался избранным волей случая.
18. *Ya Hanzhang.* The Biographies of the Dalai Lamas. Beijing: Foreign Languages Press, 1993. С. 97.
19. *Yong zheng chao han wen zhu pi zou zhe hui bian:* [Собрание тайных донесений на китайском языке с резолюциями императора Юнчжэна]. Т. 1–40. Нанкин: Изд-во древней литературы Цзянсу, 1989–1991. Т. 31. С. 763.
20. Там же.
21. *Qing shi lu zang zu shi liao...* С. 130.
22. *Petech L.* China and Tibet in the Early XVIIIth Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet. 2nd, revised ed. Leiden: Brill, 1972. P. 93.
23. *Дордже Цетен, Дэнь Жуилин, Чэн Цинъюн [и др.]*. Юань и лай си цзан ди фан юй чжун ян чжэн фу гуань си янь цзю: [Исследование отношений китайского правительства с Тибетом начиная с династии Юань]. Пекин, 2005. С. 447–448.
24. *Petech L.* Op. cit. P. 154; *Ya Hanzhang.* The Biographies of Tibetan Spiritual Leaders Panchen Erenden. Beijing: Foreign Language Press, 1994. P. 90–91; *Дордже Цетен, Дэнь Жуилин, Чэн Цинъюн [и др.]*. Указ. соч. С. 453–454.
25. *Qing shi lu zang zu shi liao...* С. 361.
26. *Chen Bai-ping.* Op. cit. P. 92.
27. В XIX в. возраст далай-лам не превышал 21 года: Далай-лама IX (1806–1815); Далай-лама X (1816–1837); Далай-лама XI (1838–1856); Далай-лама XII (1856–1875). Официально все они умирали естественным образом, однако в народе бытовало мнение, что они были жертвами заговоров знати, которая стремилась таким образом удержать в своих руках политическую власть.
28. Подробно об этом см.: *Козлов П. К.* Английская экспедиция в Тибет // Исторический вестник. СПб., 1907. № 5. С. 522–539.
29. *Jagou F.* Le 9e Panchen Lama (1883–1937): Enjeu des relations Sino-Tibetaines. Paris: Ecole française d'Extreme-Orient, 2004. P. 90–93.